

Лу Юньчжэнь заподозрил, что что-то пошло не так, и сразу же позвонил по видеосвязи. Сначала он попросил Лун Цзинтяня направить камеру на себя и снять себя с ног до головы, чтобы убедиться, что на нем нет следов нечистой силы, и только после этого успокоился и стал слушать объяснения.

На самом деле, все было не так уж и сложно...

Лун Синбан выпил чай, который мастер Мо подарил его сыну, и обнаружил, что его здоровье улучшилось: он больше не страдал от бессонницы и головной боли, его серьезная гипертония и высокий уровень холестерина резко снизились, почти достигнув нормального уровня.

Он поспешил передать чай членам семьи. Хронические заболевания его родителей и родителей жены также показали явные признаки улучшения, а кожа его жены стала намного более нежной и сияющей, и она выглядела минимум на семь-восемь лет моложе...

Что это за волшебный чай?

Он потащил сына на допрос, а Лун Цзинтянь, все еще обнимая кинжал из кости дракона, только глупо улыбался, совершенно не в состоянии объяснить, что это за чай. Он только знал, что мастер Мо поблагодарил его за помощь и просто так подарил этот чай, назвав его пустяковой безделушкой.

Бессмертные, это же настоящие бессмертные...

Лун Синбан много лет плывал в деловых водах, твердо стоял на ногах и превратил корпорацию «Тэнлун» в гиганта благодаря своему точному взгляду и способности приспосабливаться. Он проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что Лун Цзинтянь смог завоевать благосклонность бессмертных благодаря своей наивной простоте. Если же его начать учить слишком многому, он станет слишком умным, осторожным и потеряет свою сущность, а вместе с ней и свою удачу.

Лун Синбан несколько дней обдумывал ситуацию и, наконец, через знакомых достал своему сыну долгожданную лимитированную версию Lamborghini, щедро похвалив его за хорошие отношения с мастером Лу. В тот момент, когда Лун Цзинтянь был на седьмом небе от счастья, он вдруг сказал:

- Скоро Новый год, ты должен подарить что-нибудь мастеру Лу.

Лун Цзинтянь растерялся:

- Что именно подарить?

- Сынок, отец так заботится о тебе, - вздохнул Лун Синбан, хлопывая по капоту Lamborghini, -

Одному из моих партнеров эта машина тоже нравится, и он хотел купить ее за большие деньги, но я не продал...

Лун Цзинтянь мгновенно понял. Если он не удержит благосклонность мастера Лу, то не будет ни отцовской любви, ни машины!

Лун Цзинтянь, будучи представителем крупнейшего клана в Хайпине, никогда не занимался ничем серьезным. Его подарки обычно ограничивались донатами интернет-моделям, покупкой украшений, одежды и сумок...

Но мастер Лу - отшельник, для которого деньги - ничто, он не оценит такие презренные вещи.

Лун Цзинтянь ломал голову и, наконец, собрал своих друзей на пьянку, чтобы найти подходящий подарок. Они отвергли такие варианты, как мировая классика, бриллиантовые запонки, часы известных брендов, автомобили, красавицы, коллекционные фигурки аниме и другие ненадежные вещи как неподходящие.

Наконец, когда все уже были навеселе, обсуждение стало все более странным. Один из его приятелей, держа в руке бокал, торжественно произнес:

- Как говорится, отправка гусиных перьев за тысячи ли* - важен не подарок, а намерение!

(ПП: строка из стихотворения Оуян Сю «Мэй Шэньюй посылает гинкго билоба». Это метафора - хотя дар и скуден, в нем заключена глубокая дружба.)

- Отлично! - Лун Цзинтянь ударил по столу, переполненный энтузиазмом, - Я подарю десять гусей! Так намерение будет еще больше!

Друзья захлопали в ладоши:

- Молодой господин Лун, ты велик!

В состоянии легкого опьянения он вызвал водителя, а затем, по совету друга, ночью поехал в деревню ловить гусей.

...

- Подожди, - Лу Юньчжэнь слушал в недоумении, - Как гуси превратились в кур и уток?

- Мастер Лу, вы не знаете, - с обидой сказал Лун Цзинтянь, - Гуси слишком агрессивные, я не справился с ними...

Владелец гусей отсутствовал, и ему сказали вернуться завтра. Лун Цзинтянь не хотел утруждать себя ожиданием и сразу перевел пять тысяч юаней, решив заняться делом сам...

Битва была разделена на две части. Первую половину ночи он, воодушевленный алкоголем, ворвался в гусиный загон с веревкой, разгоняя гусей, которые разлетались в разные стороны. Вторую половину ночи он со слезами на глазах сидел на дереве во дворе, с разодранными штанами и холодным задом, не решаясь слезть.

На следующий день хозяин гусиного загона вернулся и спас его.

- Эти мерзкие гуси! Пользуются своей силой! Бесстыжие! Их предки должны были погибнуть в мучениях! - Лун Цзинтянь выругался и больше не осмеливался покупать гусей. Он переключился на кур и уток, и другие сельскохозяйственные продукты, и угодливо предложил, - Мастер Лу, эти тоже хороши, деревенские куры в супе вкуснее!

Лу Юньчжэнь с трудом сдерживал смех, и у него заболел живот. Он боялся, что этот дурак испортит свою роскошную машину, поэтому быстро оставил адрес, чтобы тот приехал и выгрузил товар.

Машина была забита до отказа. После покупки кур и уток Лун Цзинтянь также купил яблоки, которые продавали жители деревни, вспомнил о госпитализации мастера Лу и зашел в импортный супермаркет, где по рекомендации консультанта приобрел множество подарков для старших: шоколад, печенье, козье молоко с высоким содержанием кальция и другие продукты.

Он так старался, что если бы мастер Лу не принял подарок, он бы разрыдался у ворот Пика Уцзянь. А если бы это не помогло, он бы поставил десять громкоговорителей и начал плакать, создавая шум, подобный тому, как плакала Мэн Цзяньюй у Великой стены.

Лу Юньчжэнь и сердился, и смеялся, поэтому быстро принял подарок и попросил Мо Чанкуна отнести кур и уток на кухню, а потом пригласил Лун Цзинтяня:

- Ты еще не ел? Оставайся на ужин.

Лун Цзинтянь без колебаний согласился:

- Хорошо!

Цзин Юну услышал разговор и поспешил помочь с вещами.

Лун Цзинтянь поднял голову и увидел выходящую во двор красавицу в длинном синем платье. Ясные глаза, природная красота - он чуть не потерял дар речи.

Хрупкая красавица собиралась поднять мешок с яблоками весом в несколько десятков килограммов. Как это можно допустить?!

Лун Цзинтянь тут же бросился вперед и усердно предложил:

- Сестра, мешок очень тяжелый, не повреди руки, давай я понесу!

Он проявил удивительную силу, взяв мешок с яблоками и, тяжело шагая, направился к кухне. Расстояние в каких-то двадцать метров он прошел с таким трудом, как будто тянул судно по реке.

Цзин Юну, в недоумении следуя за ним, не понимал, что он задумал на этот раз.

С большим трудом добравшись до кухни, Лун Цзинтянь вытер пот со лба и с улыбкой спросил:

- Сестра, куда это положить?

- О, - Цзин Юну подошел, легко поднял мешок с яблоками одной рукой, спокойно прошел в кухню и, немного подумав, сказал, - Поставим на полку.

Услышав знакомый голос, Лун Цзинтянь, наконец, понял, что происходит. В ярости он воскликнул:

- Черт! Черт возьми! Ты снова обманываешь мужчин, сменив шкуру, негодяй!

- Следи за словами. Во-первых, это мой настоящий облик, я никого не обманываю. Во-вторых... - Цзин Юну с улыбкой откинул волосы и насмешливо спросил, - Кого же хочет трахнуть молодой господин Лун? Ха...

Один удар - и все.

Лун Цзинтянь был в таком бешенстве, что не мог найти слов. В его голове царил пустота, он не мог придумать ничего сильнее, чем «черт возьми», и не знал, как на это пожаловаться.

Цзин Юну уже спокойно покинул кухню.

.....

Лу Юньчжэнь позвонил Хэ Мэнмэн, чтобы пригласить ее через пару дней на ужин, но случайно попался на удочку этой карьеристки - узнав, что Ху Суй дома, она бросила палочки для еды и решила приехать прямо сейчас.

- Так много людей будет на ужине, без крупного блюда будет неудобно, - подумал Лу Юньчжэнь.

Он стоял перед холодильником, планируя меню, и случайно увидел дикий женьшень, присланный Ами. Вспомнив обещание, данное старшим тетушкам, он порезал женьшень и приготовил куриный суп с женьшенем. Ведь лучше делиться радостью, чем радоваться в одиночку.

Внезапно Лу Юньчжэнь услышал во дворе голоса Лун Цзинтяня и Мо Чанкуна. Выглянув, он увидел их, сидящих на скамейке под гинкго, и обсуждающих функции фотосъемки и печати на телефоне. Лун Цзинтянь говорил с таким энтузиазмом, что почти всем телом прижался к Мо Чанкуну:

- Мастер Мо, попробуйте сменить прическу, здесь можно добавить наклейки!

Мо Чанкун был в хорошем настроении, не оттолкнул его и даже сказал:

- Позже я научу тебя играть с ножом.

Лун Цзинтянь обрадовался:

- Вы научите меня вырезать розу?

Мо Чанкун ответил:

- Хорошо.

Он помнил, как Лун Цзинтянь помогал искать больницу и пригласил знаменитого врача, и был впечатлен этим смертным. Лун Цзинтянь же, с его врожденной фамильярностью, не замечал ни устрашающей ауры Мо Чанкуна, ни его холодного и отстраненного характера, и сам легко сближался с ним. Они ладили довольно гармонично и даже обменялись контактами...

Лу Юньчжэнь долго наблюдал за ними, не сдерживая улыбку. Он чувствовал странную радость и возбуждение, как будто какая-то скрытая внутри него мечта наконец-то осуществилась.

Ху Суй был несколько озадачен. Старший брат редко проявлял доброту к смертным, и радость шизуна можно было сравнить с той, когда он впервые увидел, как Ху Суй учится ходить. Хотя Ху Суй ежедневно радовал своих поклонников, такого восторга у шизуна он не замечал.

Лу Юньчжэнь заметил его озадаченный взгляд и смущенно отвернулся:

- Я думал, что Чанкун не любит общаться с людьми.

Ху Суй согласился:

- Он действительно не любит.

Мо Чанкун, из-за своего происхождения, был очень замкнутым и отвергал всех, кроме шизуна, включая двух шиди.

У Ху Суя, как у зверя, интуиция была очень сильной. Когда он впервые оказался на Пике Уцзянь, он ощущал сильную неприязнь и страх перед старшим братом и плакал много лет. Хэ Цзиньнянь, будучи смертным, вызывал у Мо Чанкуна еще большее отвращение. Он был упрямым и часто конфликтовал с Мо Чанкуном, постоянно жалуясь шизуну. Только после совместных приключений и путешествий под руководством шизуна их отношения начали понемногу налаживаться.

Шизун потратил на это много усилий... Теперь старший брат уже мог чесать ему спину, хотя и грубо, как будто наказывал.

Ху Суй не понимал, почему шизун так особенно относится к старшему брату. Ведь старший брат Цзиньнянь был самым послушным и почтительным, а старший брат Чанкун – самым грубым и вредным, постоянно создавал проблемы... Но шизун любил его больше всего, даже если он совершал серьезные проступки, и готов был пойти на все ради него.

Когда-то он считал, что это предвзятость. Борьба за внимание, борьба за благосклонность – именно из-за того, что получают меньше, начинают бороться.

Теперь он уже стал большой лисой и не обращает внимания на такие мелочи, но все равно чувствует небольшую несправедливость... Почему шизун так хорошо относится к Мо Чанкуну?

В деле тех лет самый большой вопрос был, почему шизун простил старшего брата, и даже искупил за него его грехи.

Содержание признания Мо Чанкуна было крайне шокирующим: он признался, что все сделал сам, включая принуждение шизуна, угрозы, заключение в темницу и даже применение наркотиков, чтобы контролировать его свободу, оставив его в безвыходном положении и превратив в игрушку. Резня в городе Яньшань была его мстью за оскорбления и злобу общества, стремлением разрушить этот ненавистный ему мир.

Его злодеяния достигли апогея, вызывая возмущение у всех, и людей, и богов. Поэтому наказание было вынесено быстро, но сяньцзюнь Юньчжэнь искупил вину Мо Чанкуна еще быстрее, друзья не успели остановить его, как он уже вырезал свою мечевую кость, оставил все и вошел в круговорот перерождений.

Обсуждая это, друзья сяньцзюня Юньчжэня разделились на два лагеря. Главный лагерь, во главе с главой дворца Яньло, Янь Цяньсуй, был полон праведного гнева, считая, что шизун сошел с ума, воспитав тигра, который принес ему беду. Его взгляд на шизуна был как на женщину, подвергавшуюся длительному домашнему насилию, которая не желала уходить... Современным языком, они подозревали, что он страдает от стокгольмского синдрома.

Они надеялись, что шизун в круговороте перерождений придет в себя, отомстит за преступление злому ученику и смягчит наказание, и даже если не сможет вернуться в мир бессмертных, хотя бы станет обычным человеком, наслаждаясь богатой жизнью.

Но судьба шизуна была отмечена семью бедами и восемью несчастьями, что означало, что он никогда не примет это предложение.

Другой лагерь, возглавляемый госпожой Минчжу, был малочислен, в основном состоящий из женщин-культураторов. Они считали, что сяньцзюнь Юньчжэнь испытывал чувства к Мо Чанкуну и был готов терпеть такую судьбу, а признание Мо Чанкуна, возможно, было попыткой защитить оставшуюся честь шизуна.

Преступления Мо Чанкуна были слишком велики, а то, что он делал с шизуном, было слишком жестоко: содержание взаперти, ежедневные пытки, принуждение к покорности – это не было обычным проявлением любви и заботы. Если сяньцзюнь Юньчжэнь был жертвой и вынужден был терпеть это, то это одно, но если он добровольно принимал это, соглашаясь на такие действия... это было бы слишком унижительно.

Поэтому эту точку зрения не признавали.

«Юньчжэнь заботился о своей репутации, он мог бояться общественного мнения и сначала не смел заявлять об этом, когда ученик совершал эти деяния», - возразил Янь Цяньсуй, - «Но после того, как грязное дело было раскрыто, тот зверь показал свое истинное лицо и все вышло из-под контроля, его репутация уже была уничтожена, и не было смысла скрывать это дальше. Он мог бы напрямую высказать свое мнение зверю и остановить дальнейшие злодеяния».

Хотя Мо Чанкун признался, что рассматривал шизуна как игрушку, но после смерти шизуна, сцена, когда он обнимал его труп, ясно показывала, что у него были чувства.

Сяньцзюнь Юньчжэнь не из тех, кто ради собственной репутации пренебрегает важными вещами. Когда Мо Чанкун напал и похитил человека, если бы было хоть немного чувств, он бы как-то объяснился, как бы это ни было унижительно. Взаимное согласие, в худшем случае, привело бы лишь к разрушению репутации и стыду, но до такого бы не дошло.

Этот конфликт невозможно объяснить. Две секты спорили неустанно, чуть не дойдя до драки. В конце концов, богиня Цзинь Лин прервала их двумя словами:

«Верьте в Юньчжэня».

Слова бессмертной предсказательницы – истина неба и земли.

Даже самые близкие друзья, как бы ни было им не по душе, прекратили спор и стали терпеливо ждать. Единственным, кто страдал больше всех, был Янь Цяньсуй. Он знал Юньчжэня с юных лет, их связывала глубокая дружба. Однако именно ему пришлось устраивать для друга испытание перерождения, не выдавая небесных тайн... Говорят, каждый раз после смерти шизуна он тащил его в чертоги Яньло и устраивал там бурные сцены, пытаясь его переубедить. Его крики сотрясали весь подземный мир, и только спустя несколько тысяч лет он немного успокоился.

Теперь Янь Цяньсуй смирился, иначе он не согласился бы позволить Мо Чанкуну снова встретиться с шизуном.

Правду о происходящем знали только шизун и старший брат.

Ху Суй закатил глаза...

<http://bllate.org/book/13607/1206720>